

Григорий Аполлонович с шелестом свернул газету. Немного подумав, он развернул лист обратно, всё так же — с шелестом. Поверх бравурной передовицы (аж в ушах звенело от парадной бронзы и звонкой меди) утвердился стакан в подстаканнике, издавший динь-дили-дон от соприкосновения со столешницей. Стакан говорил о близком чае. Его хозяин мечтал о том же.

— Определённо пора выпить чайку, — решил Григорий Аполлонович.

Но при взгляде на строки в основании подстаканника и частично скрытое им фото он остановил выбор на кофе. Кофе — это куда больший энергетический выход.

Грузный мужчина чуть за пятьдесят, занимавший кабинет, был облачён в военный комбинезон без знаков различия, который

ему удивительно не шёл. Согласимся, что высокий лоб, лысина, властная складка губ, широкие плечи, простительный живот и мощный бас (он даже думал басом) куда лучше гармонируют с тройкой угольного оттенка, галстуком и белой рубашкой.

Да и кабинет был в очень серьёзных ка-вычках. Так себе кабинетик. Скорее каюта размером в два купе древнего спального вагона. Откидная койка и откидной же стол у одной стены, батарея приборов и шкал на другой в комплекте с ансамблем не то телефонов, не то раций. Словом, работать, спать и кушать подано в одном и том же помещении.

Григорию Аполлоновичу Бальмонту, заместителю директора государственного треста «Спецмонтаж», было не привыкать. Управленец высшей категории, отличный организатор и эксперт по работам в экстремальных условиях за двадцать лет службы сменил немало подобных кают. И трудно сказать, где ему было комфортнее: в родном кабинете треста с могучими бетонными сводами

подземной столицы — Победограда — над головой или здесь, в поле.

Здесь, в поле, разворачивалась грандиозная стройка. Объект «Кольцо» должен был замкнуть территорию разрушенной и радиоактивной Москвы по линии Зеленоград — Звенигород — Апрелевка — Троицкий — Домодедово — Бронница — Ногинск — Красноармейск — Дмитров. Миллионы тонн земли, напряжённого железобетона и стали вкупе с тысячами километров кабеля, электрических индукторов и прочей машинерии, отлитые в невероятное количество рабочих часов и тераватты электроэнергии, были призваны обратиться самой сложной конструкцией в истории человечества. Разгонным треком, который сможет возносить многотонные космические корабли на высокую земную орбиту. А там... мечта мальчишек с пылкими сердцами: Луна!

И гелий-3, который, если верить комиссии во главе с академиком Кадомцевым, только и мог решить энергетические проблемы

страны, едва-едва оправляющейся после ядерных ударов 1962 года.

Гелий-3, мечта куда менее пылких мальчишек возрастом сорок плюс, должен был дать жизнь Токамаку — тороидальной установке управляемого термоядерного синтеза, что монтировали сейчас под Лыткарино.

Но гелий — на Луне, куда попасть Бальмонту по состоянию здоровья никак не светило. А он — здесь, в районе Троицка. Точнее, в районе брошенной по причине войны стройки — несостоявшегося научного городка на окраине города. Сдача планировалась на 1963 год, но... не вышло. И светит ему задача по типу «или грудь в крестах, или голова в кустах». Потому что вот она — передовица в «Правде». «Прорыв», «этапное», «победа», «никогда прежде», «отечественной науки», «гордо реет», «для всего человечества» и так далее. То есть попробуй обгадиться, товарищ Бальмонт!

Передовица на столе, попираемая подстанником, а в семи кэмэ начинается пятно радиации — след донельзя грязной водо-

родной бомбы с американского бомбардировщика Б-52, который вывалил груз на неповинный лесной массив, уклоняясь от мстительного изделия 5В24 (ракеты ПВО установки С-125 «Печора»). Не уклонился. Но дел наделал.

Это были цветочки. А ещё дальше «ягодки», рядом с которыми стометровая дыра в земле с остаточным фоном в полный мешок рентген — цветочки. Ягодки — это аномальная зона, где буквально роятся «пекла» и «планетариумы», а недавняя русская берёзка норовит убить путника хищным корневищем. Добавь сюда «рутину» в виде незаконных банд-формирований, разливов рек и прочее, и получишь «комплексную проблему» да язву желудка по окончании работ. Или инфаркт.

Поэтому — кофе.

— Анатолий! Плесни «помоев»! — бросил Бальмонт в интерком.

— Так точно! Есть «помои»! — отрапортовал голос вестового.

В дверь постучали.

Осторожный вопрос:

— Разрешите, Григорий Аполлонович?

Секундное раздражение: «Вот ведь, а?! Даже кофе не выпить в тишине!» — и, конечно:

— Да, да, войдите.

Дверь растворилась, на мгновение впус- тив в кабинет техногенно-военизиро- ванный интерьер приёмной, которую все именовали, не чинясь, предбанником, и за- творилась, впус- тив заодно и главного ин- женера на проекте — Тихона Евгеньевича Сидоренко.

— Ты, Григорий, аккуратнее с личным составом! Ведь плеснут!

— Чего плеснут? — не понял Бальмонт.

— Помоев, Григорий! Помоев! Вместо кофе! Ты ж сам просил!

— У нас, Евгеньич, такое кофе, что без разницы.

— Кофе, вообще-то, мужского рода, — язвительно заметил инженер, усаживаясь на стул подле начальства.

— Смешно пошутил, одобряю! Ты се- годня прям в ударе! Чего пришёл? С чем

умным, воодушевляющим или опять тачка проблем?

Вольности Сидоренко вполне дозволялись. Заслужил. С глазу на глаз, естественно, но всё же. Во-первых, Сидоренко замдиректора знал четверть века. Вместе были сожраны пуды и пуды соли, свёрнуты горы и выпиты десятки победных рюмок водки. Во-вторых, Сидоренко был специалист из разряда ключевых. Он отвечал за монтаж, пуск и работу ЭВМ «Сетунь-2000».

Именно «Сетунь» должна была руководить проходкой особо опасных зон в автономном режиме. Именно она управляла армией роботов — основных строителей объекта. Именно она фактически рассчитывала и планировала ход работ на тактическом уровне, по сути, являясь заместителем Бальмонта. Он лишь контролировал и направлял электронный мозг, что его ужасно нервировало.

Прогресс не остановить, нет вопросов. Однако опытный, опытнейший управленец в силу возраста и инерции мышления никак

не мог взять в толк: если ваша ЭВМ такая умная, тогда за каким хреном здесь я?

Но без «Сетуни» никак. Не погонишь людей в радиацию и аномалии! Не погонишь! А роботов — запросто, им всё равно. А кто будет ими управлять? Вот то-то.

Словом, когда есть человек, отвечающий за работу твоего электронного зама, такому человеку прощается и разрешается многое, почти как жене Цезаря.

Другая «жена Цезаря», то есть «Сетунь», кстати, вкалывала без замечаний уже две недели. О чём Сидоренко и доложил.

— Прямо всё-всё в порядке? То есть я сейчас могу взять «Алтай» и по беспроводке связаться с Главным и сообщить: так, мол, и так, Захар Иванович, первая очередь работает и будет сдана в срок? — уточнил Бальмонт, прищурив глаз, уже не такой зоркий, как прежде, но зоркий достаточно, чтобы видеть подчинённых насквозь.

— Да понимаешь... — замялся Сидоренко, нервически потеревив ворот комбинезона (все на объекте снаряжались по-

военному), — порядок-то полный... Только вот дежурная смена программистов докладывает о регулярном сбое операционной системы «Сетуни». Вроде бы ничего серьёзного...

— Ну-ка, ну-ка! Разверни! — потребовал замдиректора и оборотился всем немалым телом к инженеру. Он страсть как не любил, когда «ничего серьёзного». Уж лучше сразу ЧП, взрыв на макаронной фабрике и пожар третьей степени — хоть какая-то определённость.

— Да там... — инженер махнул рукой, — раз в сутки второй день подряд ровно в полночь операционка перестаёт опрашиваться. На полторы секунды. Нет обратной связи, хоть плачь. И что? И ничего. Дали тестовый прогон — всё отлично. Запросили «Сетуни» — рапортует о штатном обновлении системы. В рамках заложенной функции самообучения. Вроде всё планоно, но мне показалось, что ты должен знать.

— Когда кажется, Тихон, креститься надо, — рыкнул Бальмонт, унимая раздражение.